

ПО ГЛАВНОЙ СУТИ

Мир поэзии Василия Федорова широк и многообразен. Книжная стихия, переплавляясь в его творческой фантазии, становится такой же обжитой, осмысленной и перечувствованной, как и то, что он вобрал в себя из самой жизни.

Вот лишь некоторые публикации. Поэма «Седьмое небо»; очень собранная, наполненная философским содержанием поэма «Бетховен»; начальные фрагменты из исторической поэмы о протопопе Аввакуме. И по форме и по содержанию это очень разные вещи. Многообразны тематически, жанрово, ритмически и лирические сборники стихов. И Гамлет, и Шота Руставели, и Бетховен, и протопоп Аввакум, и многие, многие исторические личности живут в его произведениях рядом с современными героями, и не просто живут, а мыслят, чувствуют, действуют вместе. Они как бы помогают поэту уяснить очень сложную и подчас глубоко запятанную в них самих главную суть нашего времени. И настоящее, и прошедшее, и будущее отнюдь не разделены никакими плотинами веков. В его поэзии особенно ощутима и эта связь времен. В настоящем он отчетливо видит черты будущего. Собственно, ради будущего настойчиво пытается он проникнуть и в тайны прошлого, разобраться в сегодняшнем, постигнуть главную суть жизни хотя бы в каких-то самых, по его мнению, существенно важных человеческих понятиях. Любовь щедро разлита в его поэзии. Ей посвятил поэт целую «Книгу любви». И в этом большом, всеобъемлющем чувстве утверждает он ту же главную суть жизни:

*По главной сути
Жизнь проста:
Ее уста...
Его уста...*

И вдруг, словно спохватываясь:

А кровь солдат?

А боль солдатки?

А стронций в куще облаков?

То все ошибки,

Все накладки

И заблуждения веков.

Во имя этой любви необходима пламенная ненависть. Ненависть ко всему, что стоит на пути жизнелюбивого чувства, и прежде всего к преступному безумию, лютейшему врагу разума, в который, единственно, верит поэзия В. Федорова. И вера его ясная и твердая. Она основана на убеждении, на осознании своей исторической правоты. Но это осознание пришло не в готовом виде. И не так уж самоуверен поэт, чтобы судить самое сокровеннейшее из человеческих чувств. Александр Блок, стоя перед гробом Клеопатры, казнил себя самосудно на миру: «какой я подлый перед этой великой любовью». Нет, это не то самоуничтожение, о котором говорят, что оно паче гордости! Это сознание высочайшей чистоты и священности чувства - как источника всего человечнейшего на земле, чему отдали гениальную дань и Данте, и Шекспир и Байрон, и Гете, и Пушкин... А Маяковский тоже ведь, не бравировав, чтобы только в пику, а всем существом своим утверждал, что наши битвы посерьезнее Полтавы и любовь пограндиознее «онегинской любви». Несомненно, важно не только утверждать. Как ни утверждай, но если сила поэтического воплощения чувства уступает пушкинской, вряд ли ощутишь эту «грандиозность». Поэтому очень важна сама художественная, так сказать, плоть утверждения. В. Федоров это чувствует, понимает. Через его незлую, а скорее сочувственную иронию, иногда гневную откровенность, а иногда самоугрызение совести неусыпно, бдительно, я бы сказал, всепроникающее ищет всему смысла гражданственная мысль художника. Порою кажется, что им осознано само безрассудство любви. «Ты извечная, как Русь, ты и боль и врачевание»... И тут же откровенное признание: «Я не скоро разберусь, в чем твое очарование». Любовь - это таинство. И если она напоказ, то опошляется, утрачивает самое себя.

Влюбленных шумно легок воз.

Зато любовь влюбленных тихо -

Как горе горькое без слез,

Как боль, болящая без крика.

Таюсь.

Молчу.

Боюсь наскучить.

Иным признание - трын-трава.

Меня же долго будут мучить

В груди застрявшие слова.

Иногда возникает такое ощущение, что осознанно безрассуден. В этом есть даже некоторый вызов. Он словно бы вдруг, противореча сам себе, во всеуслышание отдается влечению, очарованию страсти. А ханже бросает презрительно: «Все речи да речи, молчи, фарисей! Никто не поверит, имея понятие, что дети рождаются от жарких речей, от жарких речей, а не жарких объятий». В этом порою есть даже своя предвзятость, некоторое чрезмерное излишество, кажущееся нарочитостью. Но лишь до невидимой, но очень остро осязаемой черты, пока призывно не зазвучала тема человеческого осознания гражданской сути чувства. Плоды ее любви всегда - жизнь. И не случайно в стихотворении «Любка-Любочка» поэт говорит о том, как материнство вдруг наложило запрет на толки и пересуды о женщине, родившей ребенка, пусть даже и от легкомысленной связи. Вот идет Любка, отмечая ночи ложные, с ребенком: «Шла, впервые некоримая, и несла, забывши все, на судах неоспоримое оправдание свое».

Огонь настоящей любви очистителей. И больше всего потому, что любовь - это вера: «А без любви мне, как без веры, и безысходно и темно».

Дымок свивается в колечки...

Должно быть, начал я стареть

И потому, присев у печки,

На огонек люблю смотреть...

Гляжу, уставясь без улыбки,

В лицо косматого судьи

И вижу все свои ошибки.

Все заблуждения свои...

Но вот и печь отрозовела,

Кудряшек дымчатых не вьет...

И все, что мучило,- сгорело.

А что не мучило - живет.

И счастье, быть может, в том, что чувства крепнут с годами, когда приходит зрелое, выстраданное и завоёванное осознание их главной сути.

Рядом с интимнейшими стихами о любви начинается вдруг рассказ В. Федоров о коммунисте, который «как знамени красному верность... верность хранит и в любви».

И тут приходит, как назвал его Гете, «конечный вывод мудрости земной» о вечной любви. О вечности чувства хорошо сказано в стихотворении «Второй огонь», давшем название книге:

***Не гибнут страсти.
Над враньем
Опять смеюсь.***

Пусть не лукавят.

Любовь горит вторым огнем.

В таком огне железо плавят.

В этих строках В. Федоров серьезен, даже суров, так как речь идет о позиции человека в жизни.

Поэма «Седьмое небо» и книга «Третьи петухи», получившие Государственную премию, наполнены и облагорожены этим же светлым чувством любви. И это чувство ширится, разрастается, всеобъемлюще охватывает многообразный круг проблем, волнующих поэта. Родил В. Федоров в городе, а детство его прошло в деревне Марьевке. Его родной город Кемерово не менее знаменит ручьевской Магнитки. Да и связаны они, как дитя с матерью пуповиной, - индустрией первых пятилеток. Поэтому не случайно родство двух крупных поэтов современности. А вот в «Третьих петухах» заговорила память о детстве, о деревне. Что-то по-есенински родное и знакомое, но свое, федоровское повеяло со страниц сборников. «Пахнет рыхлыми драченами» также ароматно и сытно. И в то же время это, как у Есенина, свой, иной, сибирский мир детства. Но и возраст, да и характер не тот, чтоб позволить себе далеко заходить в умиляющие подробности давнего сельского быта. Здесь наиболее остро сказалась одна особенность В. Федорова - о чем бы он ни писал, всегда в его стихах дает о себе знать его гражданская совесть. Посеребренная голова упала не на плаху, а на стол, а многие хотели бы на плахе видеть ее, но человек отдыхает. И вот перед мысленным взором забывшегося сном лирического героя встает прекрасный поэтический мир:

В голове моей тихая всходит луна,

Всходит, светит она, как волшебное око.

Вот и ночь сметена. Вот и жизнь мне видна.

И по ней голубая дорога.

Это она, родина, в образе вечно живой для него матери, идет к нему по этой голубой дороге, в своем стареньком мужском пиджаке, напоминающем унижительный гнет былой бедности. И большие, горькие мысли обуревают поэта, мысли о том, что нерасчетно тратил себя, что мало остается сил:

Горько мне оттого,

Что еще никого

На земле я не сделал счастливей.

И это не унижение. Он знает, что был правдив, искренен, прям, щедро отдавал себя добруму. Но теперь, после такой встречи, мера спроса ему кажется больше его возможностей. И вот он, отрезвев от повеявшей на него сибирской шири, мысленно говорит с Россией:

Дробится камень под твоей стопой.

И пусть не первым, пусть не самым лучшим

Я был с тобой в твоём давно минувшем,

Дай и в грядущем мне побыть с тобой.

Отличительная черта федоровской деревни в том, что она очень сегодняшняя, и не столько в материальном плане, сколько в духовном. Потому и сталкивает поэт экранные страсти Гамлета со страстями рабочих совхоза. Он показывает, как страдания, чувства, мысли Гамлета через века находят отзвук в людских сердцах. Люди этого маленького совхоза в понимании далекого прошлого поднялись до уровня своего времени, и это дало им почувствовать куда значительнее и возвышеннее жизнеутверждающую трагедию их собственных страстей. Внимание поэта приковало к себе лицо еще не старой, но уже седой сельчанки, прошедшей фронт, выдержавшей скорбь утрат:

Но с высоты страданья своего,

С вершины веры, что неугасима,

Она в душе боится за него,

Как мать боится за родного сына.

Вот мера той человечности, которую дало потомкам Гамлета, советским людям их революционное время. И не этой ли мерой определяется и неприязнь поэта ко всему косному, его гневное разоблачение рабьей крови, которая осталась где-то еще в нас от давно ушедшего прошлого. Он нетерпим к тем, кто приспосабливается к миру капиталистической продажности, миру гангстерской демократии. Этот мир резким диссонансом врывается в его привычный деревенский быт. Цинизм чистогана особенно неприемлем в наиболее сокровенном, в понятии красоты.

В. Федорову, написавшему в свое время великолепную поэму «Проданная Венера», особенно близка и понятна тема высокого понимания красоты. Советские люди знают ей свою возвышенную цену. Им, за красоту времен грядущих заплативших кровью, как не знать ей цену?..

В стихотворении «Заграничное» поэт вновь возвращается к этой теме. Его обычно добродушная ирония здесь зла и язвительна, она обнажает противоположность понимания прекрасного, выраженного искусством:

У вас в искусстве большая вера.

Пиво продать, не мельча ценой.

К нам на помощь выходит Венера,

Выходит Венера из пены пивной.

Поэт ведет серьезный разговор о том, что коверкает в человеке прекрасное, доброе, вечное. Он доводит свое обличение мира чистогана до гротеска, до сарказма. И это в характере именно нашей, советской поэзии, ее метода, ее непримиримых к злу позиций. Но по своей натуре В. Федоров добрый и щедрый. Лукавство его веселое по-серьезному, а не в шутку. Приязнь его ко всему живому на земле нежна и дружественна. Эти интонации очень напоминают Маяковского: «вот увидишь собачонку - сплошная плешь, не жалко и собственную печенку - съешь». Но выражены эти чувства у В. Федорова более сдержанно, пожалуй, более застенчиво. В этой связи особенно показательно радостно вольное по дыханию, улыбчивое, доброе стихотворение «Гимн корове» о доброй рогатой пеструхе по имени Клашка, у которой

На левом бочку темнеет Азия,

На правом бочку пестрит Америка...

От этой широты раздольно дышится, светло видится. И ты невольно улыбаешься герою, когда он с отроческой непосредственностью обижается на Клашку:

Что же, и Рем и Ромул праведники,

Мол, Рима твердыни ими созданы!

Что же, волчице ставят памятники,

А Клашке моей еще не воздано!

Аз воздам!

Значительной вехой в творчестве поэта стала его поэма «Седьмое небо». Эта поэма представляется мне наиболее значительным явлением и в нашей современной поэзии. Сама поэтическая мысль здесь как бы становится развивающимся художественным сквозным образом. Она облечена в живую человеческую плоть, преображена в людскую психологию.

Сюжет поэмы развивается стремительно и драматично. Два закадычных друга, курсанты аэроклуба, влюбляются в свою сокурсницу Марьяну. Во имя боевой дружбы, во имя высокого чувства - благородства, чутьем где-то угадывая, что девушка к нему равнодушна, Василий Горин все-таки отступает от своей любви. И не как логическое умозаключение, а как откровение приходят к нему выстраданные слова и мысли о любви. «Где нет любви, там самолюбие»; «Любовь не может быть несчастною, какой бы трудной ни была». Но самое трагическое для героя было не в том, что он утратил любимую, а в том, что его друг Борис оказался не тем человеком, ради которого можно было пожертвовать своим счастьем. Небо и крылья - все это так не вязалось в сознании Василия с земными расчетами его друга, с мелким благополучием заурядного быта. И в самые трудные минуты одиночества и пустоты он окунается в широкую волну действительности, находит спасение в жаркой работе. Василий Горин всеми импульсами своей молодой гудящей крови связан с тем, что происходит в мире. А в мире сложно запутанно и тревожно. На родной планете пахнет уже порохом. Нервно убыстряются события, хотя еще и привычно течет жизнь. Василий Горин в Москве, на стажировке. К сердцу своей родины не раз обращался мысленно. К ней он шел не за славой, за правдой. И вот сей просветить веру свою кремлевскими звездами идет в Мавзолей, «Не потревоженный шагами, там темный камень прозревал голубоватыми цветами». И Василий чувствует всем существом своим, что слит в этом бесконечном людском потоке со всем миром, с будущим его. Он словно прикасается к бессмертию.

Я думал, душу облегла,

Счастливо выйду с легкой ношею,

А уходил от Ильича

С нагрузкою намного большею.

Неся в сердце своем веру и любовь к Отчизне, он искреннее преодолевал любую неустойчивость в буре событий. И все, что могло раньше пошатнуть, поколебать веру, теперь лишь укрепляло, лишь, испытывая, закаляло ее. Он «старше, он мудрее стал».

Вряд ли можно обойти один узловый момент поэмы гибель Бориса. Его смерть на глазах Василия заставляет многое заново передумать. «Мертвые сраму не имут, - говорил Маяковский, - злобу к умершим туши, очистительнейшим пламенем вымыт прах отлетевшей души». Была ли гибель в данном случае искуплением и оправданием к прощению?.. Может, и нет. Но то чувство, о

котором так ярко сказал Маяковский, всегда имеет место в жизни. Казалось бы, со смертью товарища был открыт путь к любимой. Но...

***Борис, закончив путь земной,
Землей далекою пригретый,
Между Марьяною и мной
Оставил прежние запреты.***

Он мужал, все зрелее становилась его любовь.

И здесь я хочу сказать о главной мысли, о главной сути всей поэмы. Осознанная в действии, в испытаниях вера народа в силу ленинской революции, несмотря на все трагические события, внутренние и внешние, побеждала в душах людских, ширилась и углублялась, росла и крепла. Вера в ленинские идеалы была тем крепче, чем больше ее пытали. Так поэт находит и берет на самовооружение самую необходимую меру:

***Бери не маленькую мерку Минувшему, всему тому,
Что было скроено по веку
И по народу моему.***

И дальше:

***Пиши, железное перо,
Пиши, познавшее сверх меры
Трагедию высокой веры
И в человека и в добро.***

Признаюсь, после первого прочтения финальная строка поэмы: «Людей крылатых стало больше», - казалась мне не подтвержденной всем контекстом произведения.

Но чем больше я входил в поэму, тем яснее становилось, что только во имя этого и писалась она. Человек, его духовная крылатость - вот ради чего так трепетно и тревожно искала мысль оправдания жизни, в смертельной борьбе за нее и за рождающую ее любовь.

Эта духовная сторона федоровской поэзии мне особенно близка. Не перестает удивлять меня в нашей молодой и не совсем уже молодой поэзии однотемье такого мелкого порядка. Все, кто пережил, и даже не в блокаде, военное детство, не перестают печалиться о том, как им пришлось есть хлеб с мякиной. И никого не опечалил голод другой, который ведь не менее бывает острым, - голод духовный. А В. Федоров, «духовной жаждою томим», потому и хлебу знает высокую и крупную цену, поэт смотрит на него глазами гражданина и патриота.